

М. В. Шкаровский

ПОМОЩЬ СЕРБСКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ РУССКОМУ МОНАШЕСТВУ АФОНА в 1920–1930-е годы

В статье рассматриваются некоторые аспекты отношений русских обителей Афона с Сербией и Сербской Православной Церковью. Особенное развитие эти связи получили в первой половине XX в. В 1900-е гг. русские обители Афона помогали Сербской Православной Церкви: монастырям Хиландар и Дечаны, а также различным общинам. В 1920–1930-е гг. уже Сербская Церковь оказала очень большую материальную помощь русским монахам Афона, порой спасая их от голодной смерти. Эта помощь русским обителям Святой Горы продолжалась вплоть до начала Второй мировой войны. В сложный межвоенный период она очень помогла монахам Афона и в духовном, и в материальном плане, и стала подлинным проявлением многовековых братских связей Русской и Сербской Церквей.

Ключевые слова: Афон, монастыри, Сербская Православная Церковь, русские монахи, духовные связи.

Отношения русских обителей Афона, и прежде всего Свято-Пантелеимоновского монастыря, с Сербией и Сербской Православной Церковью имеют многовековую историю. Еще в конце XII в. в Свято-Пантелеимоновском монастыре (Нагорном Руссике) принял иноческий постриг княжич (сын великого жупана) Растко — один из самых известных сербских святых архиеп. Савва. После установления на Руси татаро-монгольского ига сербские князья и цари оказывали помощь и покровительство русскому монашеству Афона вплоть до захвата их страны Османской империей. Так, в середине XIV в. Руссик, в котором в то время пребывало много сербов, находился под покровительством сербского царя Стефана Душана Сильного, передавшего в 1347 г. в обитель честную главу св. вмч. Пантелеимона, а в 1380-е гг. ктитором Свято-Пантелеимоновского монастыря был святой князь Лазарь Греблянович. Последним сербским ктитором обители была дочь деспота Гюрга Бранковича, мачеха султана Мухаммеда II Завоевателя Мара.

Позднее ситуация изменилась: в XIX — начале XX вв. уже русские обители Афона помогали Сербской Православной Церкви и в целом сербскому народу. В конце XIX — начале XX вв. русские монахи играли существенную роль в жизни сербского Хиландарского монастыря. А в январе 1903 г. сербский митрополит Михаил (Иоаннович) по предложению еп. Рашко-Призренского Никифора (Перича) передал пребывавший в запустении мужской монастырь Дечаны во имя Христа Пантократора (Высоко-Дечанская Лавра), считавшийся одной из главных сербских святынь, под опеку расположенной на Афоне русской келлии свт. Иоанна Златоуста Хиландарского монастыря. Официальный ввод во владение Высоко-Дечанской Лаврой настоятеля этой келлии иеросхимонаха Кирилла (Абрамова) состоялся 14 января 1903 г. В 1903–1904 гг. в Дечаны прибыли 28 русских святогорцев, которые оставались там до начала Первой мировой войны и были интернированы австрийскими властями. После окончания войны вернувшиеся из плена монахи пребывали в разных сербских обителях (АРПМА. Оп. 10. Д. 180. Док. № 163. Л. 15; Герд, 2010, 107–113; Феннел, Троицкий, Талалай, 2009, 195–198).

Михаил Витальевич Шкаровский — доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургской духовной академии, ведущий научный сотрудник Центрального государственного архива Санкт-Петербурга (shkarovs@mail.ru).

В период Балканских войн 1912–1913 гг. только Братство русских обителей (келлий) пожертвовало в пользу раненых и больных воинов-славян 1110 рублей. Кроме того, русские святогорцы отправляли пожертвования пострадавшим от наводнения в Сербии и Черногории. В начале Первой мировой войны они сформировали и отправили на Сербский фронт монашескую санитарную дружину (отряд), а позднее, после разгрома Сербии австро-венгерской армией, пожертвовали в эту страну много церковной утвари, богословских книг и т. п. (АРПМА. Оп. 10. Д. 180. Док. № 163. Л. 192–193 об.).

В конце октября 1919 г. в Белград, столицу возникшего после окончания Первой мировой войны нового государства — Королевства сербов, хорватов и словенцев, приехала первая делегация русских святогорцев в составе представителя Свято-Пантелеимоновского монастыря иером. Симона (в миру Семена Яковлевича Фетисова), представителя Свято-Андреевского скита иером. Антипы и прот. Феодора Титова. 8 ноября они были приняты фактически управлявшим страной принцем-регентом Александром Карагеоргиевичем. Отец Симон подарил принцу икону св. вмч. Пантелеимона, печатные издания монастыря, передал письмо игум. Мисаила, преподнес для короля Петру икону Божией Матери, а о. Антипа подарил наследнику престола икону св. ап. Андрея Первозванного. Длительная беседа велась по-русски, который принц, закончивший Пажеский корпус в Петербурге, хорошо знал. Отец Феодор подробно рассказал принцу Александру о тяжелом положении русского монашества Афона и его нуждах, прося помощи и покровительства. После аудиенции о. Феодора наградили орденом св. Саввы 2-й степени, а иеромонахов Симона и Антипу — орденами св. Саввы 4-й степени. 1 декабря о. Симеон вернулся в монастырь (АРПМА. Оп. 10. Д. 170. Док. № 154. Л. 47).

В мае 1920 г. на Афон в первый раз приехал большой друг России знаменитый сербский богослов святытель Жичский Николай (Велимирович). 30 мая Собор старцев Свято-Ильинского скита постановил, чтобы игумен лично попросил еп. Николая своим ходатайством «продвинуть дело» обещанной помощи зерном русским населенникам Афона со стороны правительства Королевства сербов, хорватов и словенцев [Феннел, Троицкий, Талалай, 2009, 260, 269].

1 июня еп. Жичский прибыл в Свято-Пантелеимоновский монастырь в сопровождении члена Сербского Синода о. Гавриила, чиновника Министерства исповеданий профессора семинарии св. Саввы в Белграде прот. Воислава Янича и сербского генерального консула в Салониках Т. Живковича. Они были торжественно встречены братией с колокольным звоном. В произнесенной по-русски приветственной речи владыка Николай выразил надежду на грядущее возрождение России. Вечером состоялась беседа епископа с пребывавшим тогда в монастыре митр. Киевским и Галицким Антонием (Храповицким).

2 июня владыка Николай посетил Нагорный Руссик, а 3 июня совершил литургию в Покровском соборе и вечером отбыл на монастырском пароходе в Салоники через Каламарию. Для встречи с епископом в Руссик приезжали игумен Свято-Ильинского скита архим. Иоанн и представители Братства русских обителей (келлий). При отъезде владыке подали прошения от братии монастыря, двух русских скитов и келлий об оказании им помощи со стороны Сербии и получили в ответ обещание оказать возможное содействие. Еп. Николай тепло попрощался с митр. Антонием, а наместник Руссика иером. Иакинф и архим. Кирик проводили его на пароходе до Каламарии, подарив икону, альбом и книгу по истории монастыря (АРПМА. Оп. 10. Д. 170. Док. № 154. Л. 56–57).

В день отъезда еп. Николая, 3 июня, настоятель Руссика игум. Мисаил написал послание наследнику престола принцу-регенту Александру Карагеоргиевичу с приглашением посетить Свято-Пантелеимоновский монастырь, обращаясь к нему, как к защитнику и покровителю обители (АРПМА. Оп. 10. Д. 198. Док. № 171. Л. 1–3). В тот период определенная продовольственная помощь была получена, хотя принц и не смог приехать на Афон.

14–15 мая 1922 г. еп. Николай (Велимирович), проездом из Иерусалима, второй раз побывал в Свято-Пантелеимоновском монастыре. 27 июля того же года он участвовал в монастырском престольном празднике св. вмч. Пантелеимона. В этот день владыка совершил литургию в Пантелеимоновском соборе, а также рукоположил иеродиакона Неарха во иеромонаха и монаха Филиппа — во иеродиакона. 28 июля епископ рукоположил иеродиакона Даниила во иеромонаха и монаха Смагарда — во иеродиакона. Помимо свт. Николая, братия Руссика поддерживала постоянную связь с еще одним канонизированным в дальнейшем сербским владыкой — священномучеником епископом, позднее митрополитом Досифеем (Васичем). В частности, 28 января и 10 февраля 1924 г. он посылал письма игум. Мисаилу, и по просьбе владыки в братию монастыря были приняты четыре его приехавших на Афон духовных чада (АРПМА. Оп. 10. Д. 198. Док. № 171. Л. 6; Д. 170. Док. № 154. Л. 74, 76).

С начала 1920-х гг. в Руссик постоянно приезжали сербские паломники. Так, например, 24 марта 1923 г. в монастырь приплыли на пароходе 90 студентов и профессоров Белградского университета, среди них было около 10 русских эмигрантов. Возглавлял эту группу декан богословского факультета профессор-протоиерей Стефан Димитриевич (выпускник Киевской духовной академии), и раньше неоднократно бывавший в Руссике. Он сумел и своих спутников ознакомить с заслугами русского монашества. Часть группы присутствовала на Пасхальном богослужении в монастыре 26 марта, почти все побывали в Нагорном Руссике, где принял иноческий постриг свт. Савва. 29 марта братия тепло проводила белградских паломников, причем многие русские студенты со слезами оставляли родную обитель. 14 июня 1923 г. в монастырь приезжал сербский консул в Салониках Ф. А. Стоянович, и т. д. (АРПМА. Оп. 10. Д. 170. Док. № 154. Л. 79, 82).

В апреле 1923 г. братия Руссика обратилась к чиновнику Министерства исповеданий Королевства сербов, хорватов и словенцев прот. Воиславу Яничу с жалобой, в которой указывалось, что греческие войска вселились в их здания (Преображенский корпус) и хотят устроить рядом кинотеатр (Архив Југославије, Београд, 69-142-221). По запросу министерства консульство королевства в Салониках 7 мая 1923 г. сообщило о проектах строительства военного госпиталя на Афоне, при этом в зданиях Свято-Пантелеимоновского монастыря будто бы планировалось разместить 3500 греческих солдат и офицеров. Консул расценивал политику в отношении русских монахов как предвестие того, как греческое правительство собирается поступить с Афоном в целом и, в частности, с сербским монастырем Хиландар (Архив Југославије, Београд, 69-142-221).

В начале 1924 г. положение Руссика существенно ухудшилось из-за нового обострения ситуации с продовольствием, а также негативных действий греческих властей. В феврале игум. Мисаил отправил письмо Сербскому патриарху Димитрию (Павловичу), в котором писал, что в последние два года греческое правительство стало лишать монастырь его имущества: реквизировало лучший рабочий скот, отняло половину денег, собранных на закупку годового запаса хлеба, заняло под военный санаторий и не возвращает здание Преображенского корпуса обители, в котором с 1 апреля планирует открыть военный госпиталь: «Вследствие этого терпение наше истощилось, и все братство усматривает опасность дальнейших лишений и даже возможности своего пребывания в родной обители. Кроме того, господин российский генеральный консул известил нас, что в Греции скоро русские большевики будут признаны за законную власть». Поэтому игумен от имени всей братии просил о принятии Свято-Пантелеимоновского монастыря под временное покровительство и защиту короля Александра I (АРПМА. Оп. 10. Д. 198. Док. № 171. Л. 12).

Для решения этих проблем братия Руссика в марте решила направить в Королевство сербов, хорватов и словенцев двух своих представителей с целью личного доклада тем церковным и государственным деятелям, которые могут оказать помощь. В связи с их поездкой игум. Мисаил отправил письма с просьбой принять монахов и оказать содействие им патр. Димитрию, еп. Охридскому Николаю (Велимировичу),

еп. Нишскому Досифею (Васичу), премьер-министру Н. Пашичу, профессорам-профессорам Воиславу Яничу, Стефану Димитриевичу и некоторым другим лицам. Настоятель также поблагодарил Сербского патриарха за разрешение свободного въезда в королевство представителей монастыря и попросил сербского консула в Салониках Ф. А. Стояновича помочь в проезде миссии Руссика в страну (АРПМА. Оп. 10. Д. 198. Док. № 171. Л. 4–6 об.).

В том же году было отправлено письмо сербскому королю Александру I от имени всех русских иноков Афона и Православного Востока с просьбой принять их под свое покровительство, в котором говорилось: «Дерзкая рука сразила драгоценную жизнь императора нашего Николая 2-го, и Русская держава до сего времени в руках лютых врагов. Потеряв кормилицу Россию, нам для своего существования пришлось продать все свое достояние и притом впасть в неоплатные долги, так что на дальнейшее нет у нас никаких надежд» (АРПМА. Оп. 10. Д. 198. Док. № 171. Л. 10).

18 октября 1924 г. в Руссик в четвертый раз приехал свт. Николай (Велимирович), на этот раз вместе с еп. Иосифом (Цвийвичем), будущим заместителем патриарха, фактически возглавлявшим Сербскую Церковь в годы Второй мировой войны, а 28 октября монастырь посетил сербский консул в Салониках. 10 ноября представители Свято-Пантелеимоновского монастыря схиархим. Кирик (Максимов) и иером. Иосиф отправились в Белград, где остановились у Святейшего патриарха Димитрия. Они также встречались с королем Александром и премьер-министром Н. Пашичем, которые обещали сделать все возможное, чтобы облегчить политическое и материальное положение монастыря. 22 декабря (2 января) делегаты возвратились в обитель (АРПМА. Оп. 10. Д. 170. Док. № 154. Л. 91).

Из личных бесед с представителями Свято-Пантелеимоновского монастыря и новых писем игум. Мисаила от 14 ноября и 2 декабря 1924 г. сербским иерархам еще яснее стала ситуация с тяжелым материальным положением русских обителей Афона и реквизицией греческим правительством зданий и владений монастыря. В частности, в своих письмах игумен сообщал о реквизиции всех метохов обители, в связи с чем еще более обострилась продовольственная проблема, между тем на иждивении Руссика находилось 600 человек: 515 монахов, 35 приписных иноков в монастырской больнице и до 50 пустынножителей (АРПМА. Оп. 10. Д. 198. Док. № 171. Л. 9).

В середине декабря состоявшийся в Белграде Архиерейский Собор Сербской Церкви принял по этому вопросу два постановления: 1. Просить королевское правительство о посредничестве перед греческим правительством об улучшении условий в Свято-Пантелеимоновском монастыре; и 2. Предписать «Святому Архиерейскому Синоду изыскать способ, коим можно бы святогорским монахам из Хиландара и Русских обителей придти на помощь выдачей продовольствия, каковое бы наши богатые монастыри и церкви пожертвовали бы, и каковое было бы собрано среди народа путем милостыни. Святой Архиерейский Синод и архиереи окажут все возможное облегчение при сборе этой милостыни» (АРПМА. Оп. 10. Д. 198. Док. № 171. Л. 18).

22 декабря патр. Димитрий отправил игум. Мисаилу грамоту, в которой сообщил об этих постановлениях, отметив, что первое из них уже исполнено — первосвященник лично посетил премьер-министра, чтобы подробно изложить ему дело и уговорить предпринять «энергичное заступничество» перед греческим правительством, и получил обещание «сделать все, что возможно» (в 1925 г. Преображенский корпус действительно был возвращен Руссику). Относительно второго постановления, по словам патриарха, Сербский Синод в ближайшее время примет решение, чтобы монастыри и церкви оказали первую помощь, а для сбора пожертвований среди народа следует послать шесть иеромонахов: по одному от Руссика, Свято-Андреевского и Свято-Ильинского скитов, Хиландара и двух от Братства русских келлий (АРПМА. Оп. 10. Д. 198. Док. № 171. Л. 18 об. — 19, 25).

Действительно, 22 декабря патр. Димитрий, согласно сообщению прессы, лично посетил премьер-министра Н. Пашича, королевскую резиденцию, министра иностранных дел И. Марковича и попросил, чтобы правительство взяло на себя заботу

о русских обителях Святой Горы (Политика. Белград. 1924. 23 декабря). Вернувшиеся в монастырь отцы Кирик и Иосиф передали игум. Мисаилу патриаршую грамоту, и в ответном письме от 8 января настоятель, выразив первосвятителю благодарность, сообщил, что сборщики пожертвований выедут незамедлительно, как только получат визы, а имя патриарха записано в монастырский синодик для поминовения как ктитор обители (АРПМА. Оп. 44. Д. 26. Док. № 3827. Л. 8).

31 января 1925 г. в Руссике был проведен под председательством игум. Мисаила Собор старцев русских обителей Афона, в котором, помимо старшей братии монастыря, участвовали игумены Свято-Андреевского и Свято-Ильинского скитов архим. Митрофан и Иоанн, председатель Братства русских келлий, настоятель келлии св. Иоанна Златоуста иеросхим. Софроний и представители келлий св. Иоанна Богослова и св. Иоанна Златоуста иеросхим. Герасим и Варсонофий. Собор постановил по воле всего русского монашества Афона и с разрешения патр. Димитрия послать в Сербию сборщиков пожертвований. Было решено, что каждый сборщик возьмет с собой 2 тысячи драхм на дорожные расходы до Белграда, небольшие иконы, картинки, крестики и т. п. для раздачи жертвователям; все собранные пожертвования должны поступать в общую сокровищницу, затем быть привезены в Руссик и там разделены на части по числу иноков каждой обители, избранной для этой цели общей комиссией. До весны 1925 г. сбор решили проводить по селам, летом в городах, а осенью — снова по селам. Для сборщиков подготовили сопроводительные письма Сербскому патриарху, премьер-министру Н. Пашичу, четырем министрам, прот. Стефану Димитриевичу и представителям русской эмиграции, также было решено поднести в дар три иконы: патриарху, о. С. Димитриевичу и российскому посланнику В. Н. Штрандману (АРПМА. Оп. 10. Д. 205. Док. № 4641. Л. 1–3).

20 февраля 1925 г. пять сборщиков-иеромонахов уехали в Белград: от Руссика — о. Нярх, от Свято-Андреевского скита — о. Димитриан, от Свято-Ильинского скита — о. Августин и от Братства русских келлий — отцы Георгий и Филимон. Позднее к ним присоединились посланные Руссиком дополнительно иеромонахи Сократ (скончавшийся 25 февраля 1926 г.) и Пинуфрий. Сборы пожертвований в Королевстве сербов, хорватов и словенцев активно продолжались более полутора лет — до осени 1926 г., затем большинство сборщиков вернулось на Афон, но иером. Нярх остался продолжать свою деятельность. 31 мая этого года проведенный в Свято-Пантелеимоновском монастыре еще один Собор старцев русских обителей Афона постановил закупить на все собранные к тому времени деньги вагон (10 тонн) фасоли и пшеницу, по возможности к сентябрю. В тот же день игумены трех главных русских обителей и новый председатель Братства русских келлий иеросхим. Симеон написали об этом Сербскому патриарху, прося помощи в проведении закупок (АРПМА. Оп. 44. Д. 26. Док. № 3827. Л. 10–13 об.).

К концу осени была составлена единая итоговая сборная книга из 96 листов, которую подписали игумены Руссика, двух скитов и председатель Братства русских келлий. 6 ноября 1926 г. патр. Димитрий отправил игум. Мисаилу телеграмму, в которой предлагал разделить купленные 120 тонн пшеницы и 10 тонн фасоли следующим образом: Руссику — 40 тонн пшеницы и 4 тонны фасоли, Свято-Андреевскому скиту — 15 тонн пшеницы и 1 тонну фасоли, Свято-Ильинскому скиту — 15 тонн пшеницы и 1 тонну фасоли, Братству русских келлий — 50 тонн пшеницы и 4 тонны фасоли. Вскоре так и поделили. При этом в то время в Руссике было 580 насельников, в скитах — по 125, келлиотов и пустынников насчитывалось 480 (всего 1310 русских иноков). 17 декабря от имени их всех было отправлено благодарственное письмо Святейшему патриарху Димитрию (АРПМА. Оп. 10. Д. 198. Док. № 171. Л. 16–16 об., 27).

12 января 1927 г. Сербский патриарх в новом письме игум. Мисаилу поздравил братию монастыря с Рождеством и сообщил, что к настоящему времени собрано 496 893 динара пожертвований, при этом на 360 017 динар были закуплены высланные ранее пшеница и фасоль, а оставшиеся 136 875 динар Синод решил передать деньгами:

Руссику — 45 тысяч, двум скитам — по 13010, и Братству русских келлий — 56 тысяч динар. Вскоре деньги были разделены указанным способом, при этом сбор пожертвований частично продолжался. 22 марта патр. Димитрий написал о Мисаилу о решении передать русским святогорцам остаток собранных средств — 155 тысяч динар, через представителя Свято-Пантелеимоновского монастыря в Салониках иеродиак. Андрея: Руссику — 55 тысяч, двум скитам — по 16 тысяч, и Братству русских келлий — 58 тысяч динар. При этом предстоятель сообщил, что в связи с засухой в Сербии новые сборы следует отложить до будущего года (АРПМА. Оп. 44. Д. 26. Док. № 3827. Л. 14–24).

В этот период активно продолжалось паломничество сербов в Свято-Пантелеимоновский монастырь. Так, с 28 по 31 марта 1925 г. в нем пребывала паломническая группа из 130 сербов, в июле вместе с двумя приехавшими из Белграда русскими архимандритами гостил сербский диакон, 2–4 августа останавливались 96 паломников из г. Скопле (Скопье), 18 апреля 1926 г. побывала еще одна большая группа сербских паломников и т. д. (АРПМА. Оп. 10. Д. 170. Док. № 154. Л. 94, 95, 97).

Летом 1928 г. возобновились сборы пожертвований для русских святогорцев в Югославии (так стало называться Королевство сербов, хорватов и словенцев), и в страну снова приехали представители афонских обителей. Зимой 1928–1929 гг. они провели в сербских монастырях, а с марта 1929 г. возобновили сборы. Но уже 14 марта патр. Димитрий написал о Мисаилу о том, что передает русским святогорцам через представителя монастыря в Салониках иеродиак. Андрея собранные к тому времени 138 800 динар (то есть 186 134 драхмы). Так как в то время в Руссике было примерно 480 насельников, в скитах — по 120, келлиотов и пустынников насчитывалось 460 (всего 1180 русских иноков), эти деньги разделили следующим образом: Руссику — 75648 драм двум скитам — по 18912, и Братству русских келлий — 72653 драхмы (АРПМА. Оп. 44. Д. 26. Док. № 3827. Л. 31–36).

Приехавшие в Югославию представители Руссика (схиархим. Кирик и наместник иеросхим. Иоанникий) в 1929 г. вновь обратились к властям страны с просьбой о политическом покровительстве. В этом обращении, в разделе «Причины, побудившие нас приехать в Сербию и обратиться к защите его величества Короля Александра», они писали: «Греческое правительство нарушило свое обещание, данное в августе 1920 г. в Севре Союзным Держavam и подтвержденное затем на конференции в Лозанне в 1923 г., — сохранить неприкосновенными права и свободы негреческих монашеских общин святой горы Афонской. Оно стало теснить нашу обитель...». Далее приводились конкретные факты, в том числе принуждение русских иноков принять греческое подданство и подписать Новый канонизм (АРПМА. Оп. 10. Д. 209. Док. № 5625. Л. 13–13 об.).

В заключительной части обращения говорилось: «Нам надо временное политическое покровительство Сербской Державы в лице ее Короля его величества Александра, правящего Государя и защитника Церкви Божией. Чтобы Королевское Правительство, основываясь на этом Августейшем покровительстве, разрешило бы нам прибегать в случае нужды к помощи дипломатических представителей Короля Сербии в Греции и за границей вообще» (АРПМА. Оп. 10. Д. 209. Док. № 5625. Л. 13 об.).

Из сербских архиереев особенно большую помощь святогорцам оказывал будущий священномученик еп. Нишский Досифей (Васич). Узнав об этом от возвратившихся в монастырь отцов Кирика и Иоанникия, игум. Мисаил в письме от 8 октября 1929 г. выразил владыке особую благодарность и сообщил, что вскоре вышлет ему в дар икону Божией Матери. В ноябре через югославское консульство в Салониках еп. Досифею действительно передали «за доброе участие в нуждах обители» Иверскую икону Божией Матери в позолоченном серебряном окладе с эмалью. В это же время благодарственное письмо еп. Досифею прислало руководство Братства русских келлий: его председатель иеросхимон. Савва, товарищ председателя иеросхимон. Софроний, казначей иером. Евстафий и благочинный иером. Илия (АРПМА. Оп. 44. Д. 26. Док. № 3827. Л. 29, 38–38 об.).

Значительное внимание русским святогорцам также уделял будущий Сербский патриарх митр. Скопленский Варнава (Росич). После окончания Первой мировой войны большинство монастырей его епархии находилось в запустении, и возродить их позволило прибытие четырех больших групп русских монахов и монахинь, в том числе в 1921–1930-е гг. — насельников русских обителей Афона. В некоторых македонских монастырях число русских насельников было столь многочисленным, что монастырская жизнь там протекала почти так же, как в России: в монастыре св. Наума проживало более 20 русских насельников во главе с настоятелем — игум. Вениамином, в Лешокском монастыре св. Афанасия вблизи г. Тетово — 35 монахов. В большинстве же македонских монастырей проживало от одного до пяти русских насельников. К 1926 г. настоятелями большинства монастырей Скопленской епархии уже были русские. Из русских афонских монахов, переселившихся в сербскую Македонию, наибольшую известность имели: духовник женского монастыря св. Иоакима Осоговского игум. Ананий (Герасимов), духовник женского монастыря Пресвятой Богородицы у с. Побожье игум. Варсонофий (Кольванов), насельники монастыря свт. Николая Чудотворца в с. Любанци старец монах Серафим и монах Савватий (Воздужин) [Трайковский, 2012, 14–16, 41–46].

После смерти Святейшего патриарха Димитрия новый председатель Синода митр. Черногорский и Приморский Гавриил (Дожич) в письме игум. Мисаилу от 4 марта 1930 г. поздравил его и братию с Пасхой и сообщил о пересылке через представителя монастыря в Салониках иеродиака. Андрея собранных 165 400 динар (222 тысяч драхм) пожертвований: Руссику — 86400 драхм, двум скитам — по 23500, и Братству русских келлий — 88600 драхм (АРПМА. Оп. 44. Д. 26. Док. № 3827. Л. 42–43).

В письме от 16 марта 1930 г. игум. Мисаил тепло поздравил владыку Варнаву с избранием патриархом, а 2 мая написал ему, что, пользуясь пребыванием на Афоне профессора-протоиерея Стефана Димитриевича, посылает с ним первосвященнику в подарок икону св. вмч. Пантелеимона и три книги Афонского Патерика. 1 октября предстоятель Сербской Церкви ответил игумену теплым благодарственным письмом (АРПМА. Оп. 44. Д. 26. Док. № 3827. Л. 51–53).

После избрания владыки Варнавы патриархом приглашение русских святогорцев для службы в качестве духовников в Сербскую Православную Церковь продолжилось. Особенно часто приезжал в Югославию насельник Руссика схиархим. Кирик (Максимов). Так, в декабре 1930 г. в письме игум. Мисаилу еп. Нишский Досифей отмечал: «Несколько раз встречался я с дорогим о. Кириком. Он приносит большую пользу духовную своим пребыванием в Белграде. Особенно для русских» (АРПМА. Оп. 44. Д. 26. Док. № 3827. Л. 55). В октябре 1931 г. по совету первоиерарха Русской Православной Церкви с границей митр. Антония (Храповицкого) патр. Варнава назначил схиархим. Кирика, как опытного старца, духовником всего православного белградского духовенства, и тот окончательно переехал в Югославию. Это послушание о. Кирик исполнял вплоть до своей кончины в Югославии 15 декабря 1938 г. [Храповицкий, 1988, 194].

В письме от 20 марта (2 апреля) 1931 г., поздравляя патр. Варнаву с предстоящей Пасхой, игум. Мисаил выразил благодарность за присланный в дар портрет первосвященителя и «милостивое внимание, оказанное Вами нашему почтенному собрату о. архимандриту Кирику в бытность его в Белграде». В свою очередь патриарх в письме от 4 апреля поздравил братию монастыря с Пасхой и сообщил о пересылке русским святогорцам через иеродиака. Андрея собранных в качестве пожертвований 75 тысяч динар (то есть 100 440 драхм): Руссику — 34 тысячи драхм, двум скитам — по 13500, и Братству русских келлий — 39440 драхм (АРПМА. Оп. 44. Д. 26. Док. № 3827. Л. 57, 60).

13 августа 1931 г. игум. Мисаил обратился к патр. Варнаве с просьбой о помощи в конфликте монастыря с Константинопольским патриархом Фотием, который требовал от братии подписать Новый канонизм и принять греческое подданство. Игумен попросил дать совет и обратиться к патр. Фотию с пожеланием «не принуждать наш монастырь признать невыгодный для него закон и дать нам возможность спокойно жить по нашему старинному внутреннему уставу, как мы жили до сих пор».

3 сентября еп. Нишский Досифей (в качестве заместителя председателя Синода) ответил о. Мисаилу, что в этот день патр. Варнава прочел письмо игумена на заседании Священного Синода, члены которого «решили всеми средствами поработать над тем, чтобы положение теперешнее было облегчено». Епископ также выразил благодарность игумену за недавний прием, оказанный в Руссике ему и его сербским спутникам (АРПМА. Оп. 44. Д. 26. Док. № 3827. Л. 62, 64).

10 мая 1932 г. игум. Мисаил написал патр. Варнаве, что братия обители нуждается в хиротониях, но так как пребывающий на Афоне греческий архиерей имеет общение с перешедшим на новый стиль Ватопедским монастырем, его не решаются допустить к совершению хиротоний. В связи с этим игумен просил прислать на Афон сербского архиерея для проведения рукоположений монахов в священный сан. 3 (16) сентября о. Мисаил в новом письме сообщил патриарху о случившемся на Афоне в ночь на 14 сентября небывало сильном землетрясении, от которого особенно пострадали метох Крумица и скит Новая Фиваида (АРПМА. Оп. 44. Д. 26. Док. № 3827. Л. 68, 74).

6 августа того же года Сербский Синод, рассмотрев ходатайство Свято-Андреевского скита, принял решение разрешить русским святогорцам новый сбор пожертвований, для чего пригласить от Руссика и двух скитов по одному монаху, а от Братства русских келий — одного или двух. В результате в сентябре 1932 г. от Свято-Пантелеимоновского монастыря для сбора пожертвований в Югославию приехал будущий настоятель обители схииеродиак. Илиан (Сорокин) (АРПМА. Оп. 44. Д. 26. Док. № 3827. Л. 70, 73). 12 декабря 1932 г. он был рукоположен в Белграде митр. Антонием (Храповицким) во иеромонаха и в следующем году вернулся в родную обитель.

5 июня 1933 г. по решению Собора старцев Свято-Пантелеимоновского монастыря для сбора пожертвований в Югославию вместо о. Илиана был послан схимонах Кассиан (Корепанов), высокая духовность которого стала известна за пределами Афона. Приехав в Белград, он поселился у настоятеля русской Свято-Троицкой церкви в Белграде прот. Петра Беловидова и после нескольких недель хлопот получил необходимые для проведения сборов документы в министерстве. К середине ноября о. Кассиан собрал уже около 12 тысяч динаров, прежде всего в Охридской епархии, где его тепло принял еп. Николай (Велимирович). Схимонах передал владыке поклон от прп. Силуана Афонского, о котором епископ много и подробно расспрашивал. В ноябре о. Кассиан проводил сборы в г. Струга, а затем переехал в Битоль, где остановился у преподавателя местной семинарии о. Иоанна (Максимовича, будущего архиеп. Сан-Францисского) (АРПМА. Оп. 10. Д. 216. Док. № 178. Л. 40–42).

После завершения сборов в Югославии о. Кассиан в 1934–1936 гг. служил духовником монашеского братства прп. Иова Почаевского в Ладомировой (Чехословакия), обслуживая также православные словацкие и русинские приходы, входившие в состав Мукачевско-Пряшевской епархии Сербской Православной Церкви. Во второй половине 1936 г. он был возведен в сан игумена. Позднее схиигумен Кассиан вернулся в родную обитель [Храповицкий, 1988, 274; Афонский отечник, 2010, 721–723].

В письме о. Мисаилу от 27 декабря 1933 г. патриарх Варнава поздравил братию монастыря с Рождеством и сообщил о пересылке русским святогорцам собранных в качестве пожертвований 95837 динар (то есть 208 300 драхм): Свято-Пантелеимоновскому монастырю — 72300 драхм, двум скитам — по 28 тысяч, и Братству русских келий — 80 тысяч драхм (АРПМА. Оп. 44. Д. 26. Док. № 3827. Л. 77–78). Таким образом, только за 1926–1933 гг. Сербская Православная Церковь пожертвовала русским афонитам более 1125 тысяч динар.

30 апреля 1934 г. еп. Николай (Велимирович) совершил в Старом Руссике литургию в служении с сербским иеродиаконном Евстафием из Хиландара. При этом по его просьбе на службу приехал прп. Силуан Афонский, с которым владыка непременно хотел увидеться и проститься перед своим отъездом в Югославию (АРПМА. Оп. 10. Д. 216. Док. № 178. Л. 44). В том же году сербский консул в Константинополе оказал помощь трем главным русским обителям Афона в возвращении зданий их подворий, реквизированных турецкими властями (АРПМА. Оп. 10. Д. 220. Док. № 4669. Л. 126 об.).

5 октября 1934 г. настоятели Руссика, двух скитов и председатель Братства русских келлий в письме патр. Варнаве выразили свое соболезнование в связи с мученической кончиной короля Александра I, убитого террористом, а 30 марта 1935 г. они отправили Предстоятелю Сербской Церкви поздравление с 25-летием архиерейского служения и 5-летием патриаршества. В свою очередь первосвященник в октябре 1935 г. послал о. Мисаилу поздравление с 50-летием священства и 30-летием игуменства (АРПМА. Оп. 44. Д. 26. Док. № 3827. Л. 79, 82–83).

В том же году игумен Руссика тяжело заболел, и в начале января 1936 г. митр. Загребский Досифей (Васич) в письме наместнику обители иероским. Иоанникию, поздравляя братию с Рождеством, отмечал: «В последнее время особенно усиливаю свои молитвы за дорогого мне отца игумена — архимандрита Мисаила. Я имел счастье не только его узнать, но и горячо, братски полюбить. Ибо знать дорогого отца архимандрита Мисаила — значит в то же время полюбить на всю жизнь его» (АРПМА. Оп. 44. Д. 26. Док. № 3827. Л. 84–85).

В сентябре 1936 г. состоялась еще одна поездка на Афон, почти на 20 дней, студентов Белградского университета, среди которых было много русских. В том же месяце приехавший в Свято-Пантелеимоновский монастырь личный секретарь Святейшего патриарха Варнавы русский писатель В. А. Маевский передал по его поручению в дар обители два портрета предстоятеля Сербской Церкви с автографом (АРПМА. Оп. 10. Д. 216. Док. № 178. Л. 15–16; Оп. 44. Д. 26. Док. № 3827. Л. 87).

7 (20) марта 1937 г. наместник Руссика о. Иоанникий обратился к патр. Варнаве с просьбой разрешить приезд в Югославию для сбора пожертвований представителям обители иеродиак. Андрею и монаху Гавриилу. 17 апреля Сербский Синод ответил, что он попросил Министерство иностранных дел выдать визы этим двум инокам. Вскоре после их приезда в Белград — 16 мая — наместник Руссика написал патр. Варнаве просьбу рукоположить о. Андрея во иеромонаха, а о. Гавриила — во иеродиакона, что и было сделано еп. Жичским Николаем (Велимировичем) (АРПМА. Оп. 44. Д. 26. Док. № 3827. Л. 88 об. — 89, 92).

В апреле 1937 г. на Святую Гору вновь приехал В. А. Маевский, который привез от патр. Варнавы значительные пожертвования бедствовавшим русским инокам. Братия Свято-Пантелеимоновского монастыря попросила паломника в знак благодарности передать для Патриаршей церкви в Белграде подарок их обители — большую икону св. вмч. Пантелеимона своей работы, написав на обороте молитвенное посвящение. На вывоз образа со Святой Горы было получено разрешение от Протата, 30 апреля выписано удостоверение, уплачена пошлина, но в Салониках при выходе с парохода греческие власти отобрали у секретаря патриарха дар старцев и вернули его на Афон, запретив вывоз иконы (АРПМА. Оп. 44. Д. 26. Док. № 3827. Л. 90–91; Маевский, 2011, 187–188).

Летом 1937 г. Святейший патриарх Варнава скоростижно скончался, и 12 августа наместник Руссика в письме митр. Загребскому Досифею попросил передать Священному Архиерейскому Синоду выражения искреннего сочувствия братии, а также поблагодарил за скорое проведение хиротоний о. Андрея и о. Гавриила. 9 августа следующего 1938 г. наместник поздравил митр. Досифея с 25-летием епископского служения и 40-летием монашеского подвига (АРПМА. Оп. 44. Д. 26. Док. № 3827. Л. 93, 94).

После избрания новым Сербским патриархом митр. Черногорского и Приморского Гавриила братия Руссика 18 ноября 1938 г. тепло поздравила его с избранием и интронизацией. Отношения братии с новым предстоятелем Сербской Церкви также были дружескими и сердечными. Так, 12 октября 1940 г. настоятель монастыря игум. Иустин поздравил патр. Гавриила с днем Славы и сообщил, что посылает ему в подарок икону св. вмч. Пантелеимона через почетного генерального консула Югославии Владимира Степановича Щербину, который гостил в Руссике. Подобные подарки отправлялись и другим сербским священнослужителям. В частности, 26 мая 1940 г. игум. Иустин просил генерального консула Югославии в Салониках Т. Джуновича переслать привезенный из обители крест настоятелю сербского прихода

в Константинополе прот. Петру Хайдукевичу (АРПМА. Оп. 44. Д. 26. Док. № 3827. Л. 97, 99, 102).

Помощь Сербской Православной Церкви и властей Югославии русским обителям Афона продолжалась вплоть до начала Второй мировой войны. В сложный межвоенный период она очень помогла святогорцам и в духовном, и в материальном плане, и стала подлинным проявлением многовековых братских связей Русской и Сербской Церквей.

Источники и литература

Источники

1. АРПМА — Архив Русского Пантелеимонова монастыря на Афоне. Оп. 10. Д. 170. Док. № 154; Д. 180. Док. № 163; Д. 198. Док. № 171; Д. 205. Док. № 4641; Д. 209. Док. № 5625; Д. 216. Док. № 178; Д. 220. Док. № 4669; Оп. 44. Д. 26. Док. № 3827.
2. Архив Југославије, Београд, 69-142-221.
3. Политика. Белград. 1924. 23 декабря.

Литература

4. Афонский отечник (2010) — Русский афонский отечник XIX–XX веков. Святая Гора Афон, 2010.
5. Герд (2010) — *Герд Л. А.* Русский Афон 1878–1914 гг. Очерки церковно-политической истории. М., 2010.
6. Маевский (2011) — *Маевский В. А.* Афон и его судьба. М., 2011.
7. Трайковский (2012) — *Николай (Трайковский), игум.* Русские монахи в Македонии. Скопье, 2012.
8. Троицкий (2009) — *Троицкий П.* История русских обителей Афона в XIX–XX веках. М., 2009.
9. Феннел, Троицкий, Талалай (2011) — *Феннел Н., Троицкий П., Талалай М.* Ильинский скит на Афоне. М., 2011.
10. Храповицкий (1988) — Письма Блаженнейшего Митрополита Антония (Храповицкого). Джорданвилл, 1988.

Mikhail Shkarovsky. Assistance of the Serbian Orthodox Church to the Russian Monasticism of Athos in the 1920s — 1930s.

Abstract: The Relations of the Russian monasteries of Athos, and, first of all, the monastery of St. Panteleimon with Serbia and the Serbian Orthodox Church have a long history. They received special development in the first half of the XX century. In the 1900s, the Russian monasteries of Athos helped the Serbian Orthodox Church: the monasteries of Hilandar and Dechana, as well as various communities. In the 1920s — 1930s, the Serbian Church provided a great deal of material assistance to the Russian monks of Athos, sometimes saving them from starvation. This assistance to the Russian monasteries of the Holy Mountain continued until the beginning of the Second world war. In the difficult interwar period, she helped the monks of Athos in spiritual and material terms, and became a true manifestation of the centuries-old fraternal ties of The Russian and Serbian Churches.

Keywords: Holy Mount Athos, monasteries, Serbian Orthodox Church, Russian monks, spiritual connection.

Mikhail Vitalyevich Shkarovsky — Doctor of Historical Sciences, Senior Researcher at the Central State Archives of St. Petersburg, Professor at St. Petersburg Theological Academy (shkarovs@mail.ru).

Sources and References

Sources

1. ARPMA — Arkhiv Russkogo Panteleimonova monastyrya na Afone [Archive of the Russian St. Panteleimon monastery in Athos]. Aids. 10. Fol. 170. Doc. № 154; Fol. 180. Doc. № 163; Fol. 198. Doc. № 171; Fol. 205. Doc. № 4641; Fol. 209. Doc. № 5625; Fol. 216. Doc. № 178; Fol. 220. Doc. № 4669; Aids. 44. Fol. 26. Doc. № 3827.
2. Arkhiv Jugoslavije, Beograd, 69-142-221.
3. Politika. Belgrad. 1924. 23 dekabrya.

References

4. Afonskiy otechnik (2010) — *Russkiy afonskiy otechnik XIX–XX vekov* [Russian Athonite Patericum of 19th — 20th centuries]. Holy Mount Athos, 2010.
5. Gerd (2010) — Gerd L. A. *Russkiy Afon 1878–1914 gg. Ocherki tserkovno-politicheskoy istorii* [Essays on the history of Church Policy]. Moscow, 2010.
6. Mayevskiy (2011) — Mayevskiy V. A. *Afon i ego sud'ba* [Athos and its destiny]. Moscow, 2011.
7. Traykovskiy (2012) — Nikolay (Traykovskiy), hegum. *Ruskiye monakhi v Makedonii* [Russian monks in Macedonia]. Skopje, 2012.
8. Troitskiy (2009) — Troitskiy P. *Istoriya russkikh obiteley Afona v XIX–XX vekakh* [History of the Russian monasteries in Athos in 19th — 20th centuries]. Moscow, 2009.
9. Fennel, Troitskiy, Talalay (2011) — Fennel N., Troitskiy P., Talalay M. *Il'inskiy skit na Afone* [Ilyinski Skete in Athos]. Moscow, 2011.
10. Khrapovitskiy (1988) — *Pis'ma Blazhenneyshego Mitropolita Antoniya (Khrapovitskogo)* [Letters of the most blessed metropolitan Antony (Khrapovitskiy)]. Jordanville, 1988.